Рахно М.Ю. Войско мертвых: нартовский мотив в романе Джона Р.Р. Толкина «Властелин колец» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. – Вып. II. – С. 225-235.

В эпопее известного медиевиста и не менее известного писателя **Джона Роналда Руэла Толкина** «Властелин колец» есть важный эпизод, когда лорд **Арагорн** проводит небольшой отряд под горами в Рохане, дабы собрать армию мертвецов на войну против Темного Властелина. **Арагорн** и его спутники выбрали пойти Путем Мертвых после победы при Хельмовой Пади в западном Гондоре. За несколько дней до этого **Саурон** открыто берет в осаду Гондор, Город Королей. В то время, как **Гэндальф** и **Пиппин** едут в Высокий Град, и пока король **Теоден Роханский** собирает армию в Эдорасе на подмогу осажденным союзникам в Минас Тирите, **Арагорн** узнает о неизвестной ранее силе, посланной Темным Властелином на север вдоль Андуина. Угроза настолько чрезвычайная, что **Арагорн** боится, что **Гондор** падет, если быстро не воспрепятствовать опасности. По совету **Элронда** и по пророчеству древнего провидца **Арагорн** решает рискнуть собрать армию мертвецов под Двиморбергом – «Горой призраков» – и отправится по берегу Андуина, дабы перехватить подмогу **Саурона** до того, как она достигнет Минас Тирита: «**Арагорн** долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя:

– Никогда до конца времен не придут сюда цветы симбелина. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. – **Арагорн** тряхнул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: – Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, **[с. 225]** упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна только быстрота. Освободите путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню **Эреха**!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; факелы затрепетали и погасли, зажечь их снова не удалось.

...**Леголас** обернулся на скаку, всматриваясь во что-то позади.

– Мертвые следуют за нами, – спокойно промолвил он. – Я вижу силуэты людей на конях, бледные стяги, как клочья тумана, и лес призрачных копий. Мертвые следуют за нами.

– Да, Мертвые скачут позади, – подтвердил **Элладан**. – Они вняли призыву....» [13, с. 744-745]. Бессонными Мертвыми стали горцы, давшие в давние времена присягу верности королю **Исилдуру**, предку **Арагорна**, но отказавшиеся держать слово из-за страха перед **Сауроном**. **Исилдур** проклял спрятавшихся в горах вероломных союзников вместе с их последним вождем и этим проклятьем отнял у них покой даже после смерти. Возвратить покой могло лишь исполнение присяги в конце бесчисленных дней долгой войны, когда мертвых клятвопреступников позовут вновь [13, с. 738].

«...Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной и начал спускаться в долину. По мере их приближенья паника охватывала селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!» Заполошно звонили колокола, все живое бежало перед отрядом **Арагорна**. Но всадники стремительно пронеслись мимо и еще до полуночи, во мраке, который был непрогляднее подгорного, достигли Холма **Эреха**.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван, накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, круглый, в человеческий рост высотой, наполовину вросший в землю. Странным и нездешним выглядел он. Многие верили, что **[с. 226]** когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл преданья Заокраинного Запада, говорили, что его принес и установил здесь славный **Исилдур**. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. **Элрохир** передал **Арагорну** тяжелый, отделанный серебром рог. **Арагорн** громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Хотя над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешился и, встав возле камня, вскричал:

– Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи послышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

– Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда **Арагорн** молвил:

– Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру на Андуине. Когда во всех этих землях не останется ни следа слуг Саурона, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я – **Элессар**, наследник Исилдура и Король Гондора, повелеваю – следуйте за мной!

По его знаку **Хальбарад** развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке было не разглядеть символов, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стылом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх, исходивший от теней, окруживших холмы, клубился над камнем **Эреха**» [13, с. 744–746]. После битвы на полях Пеленора **Арагорн** освободил горный народ от клятвы.

Литературные корни этого эпизода остаются неясными. В качестве источника образов **Толкина** без полной уверенности **[с. 227]** предлагают средневековую латинскую традицию exercitus mortuorum (армии мертвых), отряда вооруженных призраков, которые странствуют по воздуху, вселяя ужас, или путешествуют в наказание, умоляя о прощении своих грехов. Также указывают на описание быта в Вальхалле мертвых воинов, которые встают для нового сражения [18, с. 93; 21, с. 156-168]. Однако это сражение происходит каждый день и является наградой для героев, а не наказанием. Эти параллели представляются более чем отдаленными.

Гораздо больше к истокам этого мотива приблизился итальянский медиевист **Франко Кардини** в своем исследовании скифо-сарматских корней европейского рыцарства. Он обратил внимание, что в легендах средневековой Европы дружба продолжается и за гробом. Друг восстает из гроба для исполнения договора, и мертвые идут бок о бок с живыми в сражении, от исхода которого зависит общее дело. Это распространенный фольклорный мотив. В одном из документов, относящихся ко времени крестовых походов, подчеркивается, что при взятии Иерусалима в 1099 году вместе с живыми на

штурм шли и все те, кто погиб в пути. В такой дружбе нет места предательству. Однажды ставший братом останется им навсегда. Даже вероломство, даже смерть одного из побратимов не в силах расторгнуть узы договора. Это был главный узел системы отношений «живые – мертвые» в комитате, то есть дружине варваров. В одной из легенд Доломитских Альп рассказывается о дружиннике по имени Биди, чья вероломная измена повлекла за собой смерть друга. Тем не менее, когда **Биди** попал в беду, столкнувшись с великаном, он внезапно увидел вооруженного с ног до головы воина. Стоя на лесной опушке, грозил он обнаженным мечом великану. Рукоять меча сжимала рука человеческого скелета, череп его венчал шлем дружинника. Биди все понял: на помощь пришел к нему тот, чьи кости тлеют в могиле, – его верный друг... [10, с. 135-136].

Однако умершие изменники, нарушившие данное слово из трусости, не обретают покоя даже в могиле до тех пор, пока не искупят своей вины [10, с. 136], и именно этот мотив воплотился в **[с. 228]** эпопее. Приблизившись вплотную к решению проблемы источников **Толкина** и осознавая важность скифо-сарматских древностей для западноевропейской средневековой культуры, **Кардини** все же не располагал данными осетинского нартовского эпоса, которые содержат яркую и до сих пор никем не замеченную параллель к образу войска мертвецов.

Имеется в виду малый цикл о вражде родов **Ахсартаггата** и **Бората**. Вначале последние побеждали, но затем почти истреблённые **Ахсартаггата** (или, в других текстах, лично **Урызмаг**) обращаются за помощью к **Кафтысару (Кантисару) Хуандон-алдару**. В некоторых текстах описывается его воинство – обычное, хотя и многочисленное, войско. Но его почему-то держат взаперти в башне или в замке, выпуская только тогда, когда оно понадобится, что уже наводит на мысль о каких-то табу сакрального характера. Если хочешь вести это войско, нельзя оглядываться, иначе оно больше за тобой не пойдёт (известный запрет при выводе существ из иного мира). В другом тексте оно находится за железными воротами в Чёрной скале, и его можно вызвать, обращаясь к этим воротам по-хатиагски, то есть на некоем священном тайном языке, и они будут выходить из-за этих ворот до тех пор, пока будешь идти, причём не оглядываясь: «Слова эти кто-то услышал и донес их **Кантисар Хуандону**. Испугался тот и наутро послал за **Ахсартаггата**. Пришли к нему [**Ахсартаггата**], и **Кантисар Хуандон** спросил их, кто они и что им надо.

– **Бората** оскорбили нас, – сказали они, – и нам нужно войско.

А **Кантисар Хуандон** им ответил:

– Идите и обратитесь по-хатиагски к железным воротам, что в Черной скале, и они раскроются перед вами, и войска будут идти за вами до тех пор, пока вы не оглянетесь назад, а потом [ворота] закроются. Мне же скажете, сколько их, чтобы знал я: кто будет убит, а кто вернется.

Подъехали Ахсартаггата к воротам, и железные ворота в Черной скале раскрылись перед ними. Двинулись они в путь, а **[с. 229]** вслед за ними шли войска. Сколько их прошло [в ворота], бог знает, – не стерпел **Сослан** и оглянулся. Как только он оглянулся, железные ворота закрылись». Наконец, ещё в одном осетинском тексте прямо говорится о том, что перед нами, собственно, воинство мертвецов. Страшный алдар изрекает **Урызмагу** следующее: «Завтра утром, кто из вас надеется на коня, тот пусть на коня сядет. Вон там, в степи, – одна могила, пусть [человек] ударит в ее дверь ногой, и, когда [она] отворится, пусть он ускачет и не смотрит назад, – и люди будут». **Урызмаг** сел на своего коня поутру, ударил в дверь, и стали преследовать его люди, и наполнили [они] поля». Это воинство истребило врагов.

Имя алдара **Kæftysær Xuændon, Kæftysær Xwyjændon-ældar, Kæftysær Xwyjændon-mælikk (paddzah)** резонно толковали как ‘Владыка пролива, глава (-вождь) рыб’, и, возможно, он продолжает в фольклорной мифологии воспоминания о могучих и пышных царях Боспора, которые во время скифов правили по обе стороны Керченского пролива на востоке Крыма. Столицей их был Пантикапей (буквально ‘Дорога рыб’). В последние десятилетия раскопками и в самом деле обнаружены в большинстве местных греческих или греко-скифских городов крупные предприятия рыбного промысла, упомянутые к тому же древними авторами как собственность боспорских царей. Экспорт рыбы составлял значительную статью экономики Боспорского государства. На «варваров» эта огромная рыбная «промышленность» должна была производить сильное впечатление, и хозяин этого государства мог слыть у них за «Главу рыб». Представлению о правителе Боспора как о «рыбном царе» могло способствовать и то, что на некоторых боспорских монетах они могли видеть изображение рыбы. Живая рыба у осетин приносилась в жертву мертвым, а в некоторых сказаниях **Кафтисар** предстает в качестве хозяина подземного (загробного) царства или рая. Он приходит из нижнего мира, дабы навестить умирающего **Сослана**. Форма его имени **Kænti Xujændag, Kænti sær Xuændonæ, Kancysær Xwændon** представляет собой контаминацию со словом kæntæ ‘погребенные’, **[с. 230]** ‘покойники’. В осетинском сказании, когда **Хуандон-алдар**, не колеблясь, соглашается удовлетворить желание гостей и открывает запруду своего неисчерпаемого водоема людей, он это делает потому, что **Ахсартагката** только что продемонстрировали исключительное умение обращаться с лошадью, мечом и луком – тремя орудиями воина. По одним вариантам, он делает это из боязни, по другим, – видимо, потому, что ценит доблесть, но результат один: ввиду своей принадлежности к роду, наделенному воинской силой, **Ахсартагката** обречены на «малочисленность»; зато они могут вершить такие дела, которые побуждают **Хуандон-алдара** дать им «количество» [12, с. 353, 355-356, 359, 368; 11, с. 34; 7, с. 220-221, 224; 8, с. 103-104; 17, с. 244; 1, с. 373-379; 5, с. 190-195; 6, с. 162-165; 14, с. 105-107; 15, с. 32-33]. Скитальцы **Толкина** – это последние рыцари Арнора, немногочисленные остатки Рода Королей из-за Моря, то есть нуменорцев, Высокого народа [13, с. 227-228]. И, подобно осетинскому эпосу, о проходе по Пути Мертвых **Арагорну** напоминает правитель Ривенделла **Элронд** [13, с. 737].

Появление на Британских островах мотива, связанного с **Кафтысаром Хуандон-алдаром**, не так уж и неожиданно, если учесть, что именно он является возможным прототипом такого персонажа артуровского эпоса, как **Король-Рыбак**. Хазары в VII веке передавали титул аланского правителя Киммерийского Боспора как balgitzi, то есть baliqči ‘рыбак’, что в точности соответствует значению осетинского **Kæftysær**, калькой которого он и является. Появление у **Короля-Рыболова** Грааля перекликается с наличием у черноморского правителя в иноэтнических версиях нартовского эпоса особого котла. В одном из осетинских нартовских сказаний род **Урызмага** бежал к **Кафтысару**, ища поддержки для того, чтобы отомстить кровникам за убийство сына **Урызмага Крым-Солтана**. Последний герой обычно определяется как сын от брака **Урызмага** и дочери хана **Крыма**. Следовательно, речь идет об объединении нартов с правителем Крыма в целях отмщения за общего потомка. В Артуриане же Король-Рыбак выступает дедом по материнской линии Персиваля. Именно этот герой изначально **[с. 231]** считался избранным Граалем витязем. Осетинский же **Крым-Солтан** получает от небожителя **Уацилла** среди военных даров шапку-невидимку. А предоставление нартам несметного войска, выходящего из его замка, могилы или Черной скалы, напоминает о том, что **Король-Рыбак** имел «великую храбрость», т.е. представлялся «храбрым рыцарем» [14, с. 32-33; 15, с. 160; 19, с. 130-137; 20, с. 264; 6, с. 166].

Это не единственная параллель между творчеством Толкина и осетинским эпосом.

Нартоведы уже указали на соответствие названию заимствованных из английского фольклора хоббитов одному из вариантов сказания о женитьбе **Хамыца**, где встреченного им малорослого охотника из водного народа донбеттыров (здесь они замещают быценов) зовут **Гоба** [4, с. 29]. У **Толкина** часть хоббитов любит обитать в долинах рек [13, с. 62-63]. Второе соответствие – Кольцо Всевластия, которое представляет собой своеобразную германо-иранскую мифологему. В частности, считалось, что древний саксонский бог **Вотан** (**Один**) правил девятью мирами Колец и владел девятым Кольцом (Единым), дававшим право властовать над восемью остальными [3, с. 14]. Магическое кольцо **Сатаны**, с помощью которого можно построить замок – микрокосм, известно в нартовском эпосе [12, с. 182; 15, с. 195]. У ираноязычных народов, к которым относились и скифы, были широко распространены представления о символике кольца или перстня как воплощения власти царя. В «Шах-наме» **Фирдоуси** неоднократно сопоставляются вместе такие царские инсигнии, как перстень, венец, престол, пояс владык. **Омар Хайям** пишет, что **Сулайман** (царь **Соломон**) «потерял царство потому, что он испортил свой перстень». Он же передает рассказ о том, что **Искандар Румский** (**Александр Македонский**) видел сон, в котором «весь мир был как один перстень и наделся на его палец». Последнее свидетельство особенно интересно: оно перекликается, с одной стороны, с древнейшими представлениями индоиранцев о мироздании как о круге (кольце) и вытекающей отсюда символикой царского кольца (перстня) как микромодели мира. С другой стороны **[с. 232]**, легенда об **Александре** перекликается с инвеститурными сценами сасанидского искусства, где верховный бог иранцев **Ахура-Мазда** вручает царю кольцо как символ власти над миром. Эти сцены связываются исследователями с идеей передачи царского фарна, воплощение которой видят в изображении на перстне скифского царя **Скила** [2, с. 100; 15, с. 196]. Следует вспомнить, что и в авестийской мифологии души умерших (fravaši) понимаются как войско мертвых, которое принимает участие в битвах живых (Яшт 13. 31-39, 45-48), причем поздние источники описывают их в виде конных всадников. Упоминается также некое знамя (uzgərəptō.drafša), отвечающее знамени **Арагорна**, и весь этот комплекс представлений о душах считается рудиментом незороастрийского туранского культа [16, с. 303; 22, с. 62-64].

Есть и другие сходные мотивы. Так, некогда предводители Последнего Союза бросили вызов самому властелину Мордора, и **Саурон** вынужден был принять его. Он покинул свою твердыню и лично вступил в битву. Однако его сила, умноженная Кольцом Всевластья, намного превосходила силы его противников. **Гил-Галад** и **Элендил** пали в схватке, при этом меч **Элендила** Нарсил сломался. Но **Исилдур** подхватил выпавший из руки отца сломанный меч и обломком клинка сумел нанести удар по руке Тёмного властелина, отрубив как раз тот палец, на котором было надето Кольцо. Это привело к разрушению телесной оболочки **Саурона**, поддерживаемой лишь магией Кольца. Владыка Мордора пал. Его дух бежал прочь и долго с тех пор вынужден был скрываться в пустынных местах, ожидая возможности вновь принять зримый облик [13, с. 738]. Точно так же **Батраз** убивает **Сайнаг-алдара**, убийцу его отца **Хамыца**, ущербным отцовским мечом [1] [12, с. 284-285; 9, с. 19-20]. И здесь снова стоит вспомнить об исследованиях Артурианы, столь дорогой сердцу Толкина.

Эпические произведения средневековья дошли до нашего времени не в устной форме, но зафиксированными в древних памятниках письменности, в том числе и в рыцарских романах и поэмах, очень сложных по своему составу. Эти памятники **[с. 233]** включили фольклор не только того народа, которому они принадлежали, но и тех этносов, которые так или иначе контактировали с ним в прошлом. Иноэтническая эпическая струя в британских сказаниях об Артуре, во многом сармато-аланская, последовательно выявлялась наряду с основной массой кельтского фольклора, рядом поколений западноевропейских ученых – историков и словесников. По-видимому, эпические

воздействия такого рода отражены и в творчестве **Джона Роналда Руэла Толкина**, воспринявшего их через английскую либо валлийскую фольклорную среду.

1. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.
2. Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила: политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. // Советская археология. – Москва, 1980. – № 3. – С. 92–109.
3. Гарднер Лоренс. Царства Властителей Колец: По ту сторону сумеречного мира. – Москва: Фаир-Пресс, 2003. – 352 с.
4. Дарчиев А.В. Батраз-муравей (об одном мотиве нартовского эпоса) // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2012. – Вып. 7 (46). – С. 26–37.
5. Дарчиева М.В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов): Монография. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. – 319 с.
6. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. – Владикавказ: Алания, 1992. – 280 с.
7. Дюмезиль Жорж. Осетинский эпос и мифология. – Москва: Наука, 1976. – 273 с.
8. Дюмезиль Жорж. Скифская теология Геродота // Эпос и мифология осетин и мировая культура. – Владикавказ: Ир, 2003. – С. 99–106.
9. Дюмезиль Жорж. Скифы и нарты. – Москва: Наука, 1990. – 229 с.
10. Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. – Москва: Прогресс, 1987. – 384 с.
11. Назиров Р.Г. Запрет оглядываться: (К происхождению фольклорного мотива) // Фольклор народов РСФСР. Межэтнические фольклорные связи. Межвузовский научный сборник. – Уфа: Башкирский университет, 1987. – С. 31–38.
12. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. – Москва: Наука, 1989. – Книга 2. – 494 с.
13. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. – 1104 с.
14. Туаллагов А.А. Меч и фандыр: Артуриана и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ: Ир, 2011. – 271 с.
15. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ: издательство Северо-Осетинского университета, 2001. – 315 с.
16. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей: В 3 т. – Москва: Критерион, 2002. – Т.1. От каменного века до Элевсинских мистерий. – 464 с.
17. Bailey H.W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. – London: W.S. Manley & Son Limited, 1980. – Volume 2. – P. 236–267.
18. Fimi Dimitra. Filming Folklore: Adapting Fantasy for the Big Screen through Peter Jackson’s The Lord of the Rings // Picturing Tolkien: Essays on Peter Jackson’s The Lord of the Rings Film Trilogy. – Jefferson: McFarland & Company, Inc, Publishers, 2011. – P. 84–101.
19. Minorsky Vladimir. Balgitzi – «Lord of the Fisches» // Wiener Zeitschrift fur die Kuhde des Morgenlandes. – Wien: Institut für Orientalistik, 1960. – Bd. LVI. – S. 130–137.
20. Pritsak Omeljan. The Khazar Kingdom’s Conversion to Judaism // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge: Ukrainian Research Institute; Harvard University, 1978. – Volume II. – № 3. – P. 261–281.
21. Sinex Margaret A. «Oathbreakers, why have ye come?»: Tolkien’s «Passing of the Grey Company» and the Twelfth-Century Exercitus mortuorum // Tolkien the Medievalist. – London-New York: Routledge, 2003. – P. 156–168.
22. Wikander Stig. Der arische Männerbund. – Lund: Hakan Ohlssons Buchdruckerei, 1936. – 111 S. **[с. 234]**

---

[1] За указанную параллель приношу благодарность **А.В. Дарчиеву**.